

СТРАШНАЯ,
СТРАШНАЯ
СКАЗКА

исследование сказок
народов мира от древности
до интернет-эпохи

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

ЗАЧЕМ НАМ НУЖНО БОЯТЬСЯ?.....	7
ЧЕГО МЫ БОИМСЯ?	11

Глава 1

СТРАШНЫЕ СКАЗКИ НАРОДОВ МИРА

СКАЗКИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА	19
Хумар аль-Кайла: призрак полудня	23
Сказка о медном городе	25
СКАЗКИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ.....	28
Пионовый фонарь.....	32
Как человек укусил призрака	33
Дочка-лисица	36
СКАЗКИ НАРОДОВ АФРИКИ	43
Ананси и смерть.....	45
Токолоши.....	47
Речной бог Ньями-Ньями.....	50
СКАЗКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ АМЕРИКИ	53
Люди-палочники	58
Колдун в роще.....	60
Козьеголовые	61

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ	68
Сказка о ведьме	73
Лихо одноглазое.....	75
Седой медведь.....	78
СКАЗКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА	84
Бог и сиротка.....	89
Откуда в тайге мошки.....	92
СКАЗКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ	96
Ауфхокеры	99
Сказка про можжевельник	104
Рапунцель, или Петрозинелла.....	108
ПОЧЕМУ ВСЕ СКАЗКИ ТАК ПОХОЖИ ДРУГ НА ДРУГА?	110

Глава 2

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ НАРОДНЫХ СКАЗОК

КИТАЙСКИЕ СКАЗАНИЯ О НЕОБЫЧАЙНОМ: ПУ СУНЛИН	119
Уродливая лисица.....	123
Расписная кожа	125
ЯПОНСКИЕ СКАЗКИ ГЛАЗАМИ ЕВРОПЕЙЦА: ЛАФКАДИО ХИРН	130
Люди без лица.....	134
Мальчик, который рисовал кошек.....	138

СКАЗКИ ШАРЛЯ ПЕРРО	144
Сказка о Синей Бороде	147
СКАЗКИ БРАТЬЕВ ГРИММ	151
Девушка без рук	153
Утаенная монета	159
СОБИРАТЕЛИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК	161
Сказка про мороку	164
Сказка о девке и мертвце	167

Глава 3

СТРАШНЫЕ СКАЗКИ СОВРЕМЕННОСТИ

ГОРОДСКИЕ И ПИОНЕРСКИЕ СТРАШИЛКИ	171
Откуда взялся гробик на колесиках?	174
ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ, ФАНТАСТИЧЕСКИЕ И РЕАЛИСТИЧНЫЕ	177
Джек-прыгун	180
Легенды московского метро	184
СЕТЕВОЙ ФОЛЬКЛОР: ЦИФРОВОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ВИРУСНЫЕ ЛЕГЕНДЫ	189
Станция Кисараги	196
Хранители: хранитель жертвы	198
<i>Заключение</i>	201

Предисловие

ЗАЧЕМ НАМ НУЖНО БОЯТЬСЯ?

Страшные сказки рассказывают в любом уголке мира и во все времена. От средневековых ярмарок до летних лагерей, от «Тысячи и одной ночи» до современного сетевого фольклора — такие истории возникают независимо от эпохи и культуры. Почему же мы так любим пугать друг друга, даже если представления о страхе у нас порой весьма различные?

Самый простой ответ звучит так: рассказывая ребенку сказку, взрослый передает ему знания о мире и о том, как в этом мире нужно себя вести. Из сказки о волке и семерых козлятах ребенок усваивает, что нельзя пускаться в дом незнакомцев, а из сказки о сестрице

Аленушке и братце Иванушке — что нужно присматривать за младшими; «Морозко» учит скромности и вежливости, а «Мальчик-с-пальчик» — смелости и находчивости. (Тем интереснее наблюдать, насколько разные уроки преподают сказки народов мира: в японских часто побеждает спокойный и добродушный герой, а в африканских — коварный и расчетливый.) Тогда страшную сказку можно понимать как предостережение: свернешь с дорожки, доверишься чужаку — быть беде.

Но это не объясняет, почему страшные сказки так любят сами дети. Необходимость наставлять и предостерегать как будто не имеет отношения к страшным историям, которые пересказывают в летнем лагере после отбоя, или передаваемым из уст в уста заклинаниям, которые непременно призвуют жуткий и кровожадный дух. Очевидно, что детям часто не нужны взрослые, чтобы испытывать страх: они прекрасно умеют пугать сами себя и друг друга. При этом ужасное привлекает их с силой, порой непонятной взрослому: нередко кажется, что популярные у детей игрушки становятся все жутче с каждым годом. Любовь к страшилкам нередко остается с человеком на всю жизнь, но интерес к ним, как правило, закладывается довольно рано.

Получается, мы и в самом деле любим пугаться?

Король хоррора Стивен Кинг посвящает этому вопросу свое эссе «Почему нас тянет к фильмам ужасов?» Во-первых, по мнению писателя, страшилки — это способ проверить себя на смелость, доказать себе и другим, что ты не испугаешься и не дашь слаbinу. «Пугаясь» вместе с другими — например, рассказывая страшные истории ночью у костра или сидя в одном ряду в темном кинозале, пока на экране идет фильм

ужасов, — мы одновременно и проявляем себя, и лучше узнаем друг друга, сближаясь перед лицом даже ненастоящего страха.

Во-вторых, как утверждает Кинг, ужасы полезны для нашего чувства «нормальности». Насмотревшись на монстров, маньяков или оживших мертвецов, мы острее ощущаем, как на самом деле далек наш повседневный мир от поистине ужасных вещей и как далеки мы сами, со своими «небольшими безумствами», от все тех же чудовищ.

Наконец, есть и еще один фактор: страшные истории позволяют нам заглянуть в себя поглубже и познакомиться с теми темными и малоприятными сторонами своей души, с которыми мы обычно не соприкасаемся. По мнению писателя, все мы таим в себе чувства и желания, которые общество учит нас изживать или хотя бы держать взаперти. Истории об ужасном заставляют эти чувства откликаться, показывать свету свое неприглядное лицо и находить себе выход. А поскольку выход этот полностью выдуман, то и сами наши темные стороны не причиняют никому вреда.

Этот взгляд на жанр ужасов можно распространить и шире: не только темные стороны души, но и сам страх должен иметь какую-то отдушину. Повседневные тревоги, фобии, не всегда понятные кошмары из детства в том или ином виде есть у каждого, и каждому хочется, осознанно или нет, облегчить их груз. Обращаясь к страшным сюжетам, будь то байки у костра или фильмы ужасов, мы позволяем себе прожить эти страхи, посмотреть им в глаза и отпустить, при этом прекрасно зная, что нам ничто не угрожает.

В самом простом смысле по этому принципу устроены скримеры — громкие и резкие сцены, на которые так часто полагаются несложные хорроры. Слово «скример» происходит от английского scream — «кричать»; на английском же это называется jumpscare — «то, что выпрыгивает и пугает». После напряженного ожидания под тревожную музыку нас пугают чудовищем, которое выскакивает из ниоткуда с пронзительным воплем — и накопленное напряжение тут же сходит на нет, получив свою разрядку. Такая же разрядка происходит на протяжении всего сюжета: страшная история заканчивается, будь то хороший или плохой конец, а вместе с ней отступает и прожитый страх.

Поэтому страшные сказки и легенды особенно интересны детям. Детство — это период, когда мы только познаем мир, в том числе свой внутренний. Снаружи ребенка окружают непонятные и жуткие вещи, а внутри копятся эмоции, которым пока нет названия. Поэтому нужно познакомиться со своим страхом на безопасной почве, чтобы сделать его — как и все вокруг — немного понятнее. Впрочем, нельзя сказать, что такая необходимость есть только у детей: многие из нас продолжают изучать свои страхи и во взрослом возрасте...

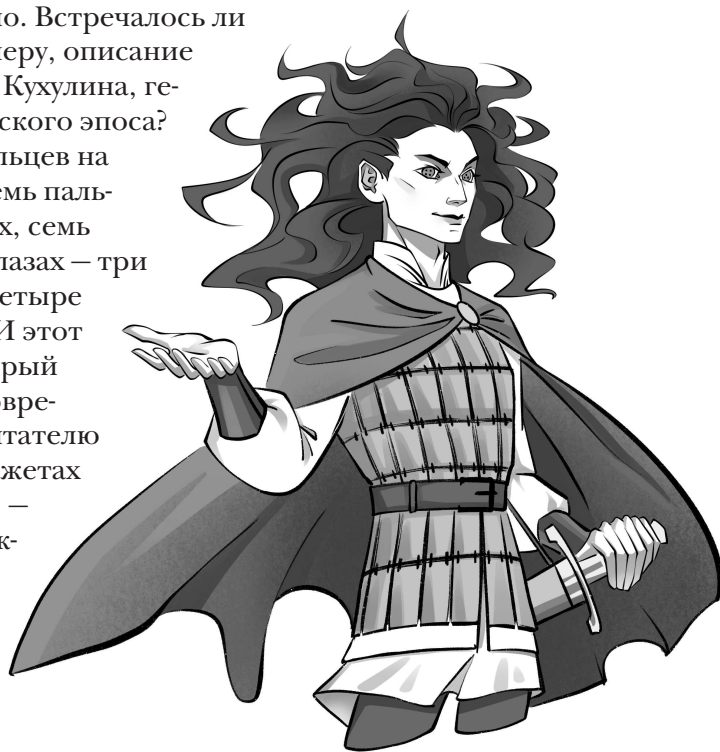
ЧЕГО МЫ БОИМСЯ?

Нас всех объединяет стремление к страшному, однако понятия о нем в разных веках и странах могут отличаться, и порой

кардинально. Встречалось ли вам, к примеру, описание внешности Кухулина, героя ирландского эпоса?

По семь пальцев на руках, по семь пальцев на ногах, семь зрачков в глазах — три в одном и четыре в другом... И этот образ, который навевает современному читателю мысли о сюжетах Лавкрафта, — образ отважного юноши, а не мифического чудища.

А вот многие средневековые гравюры с демонами, драконами и крайне воинственными зайцами в наши дни вызывают скорее смех, чем ужас.

Страшные сюжеты в сказках и легендах, даже самые фантастические, отражают совсем не выдуманные ужасы, окружающие нас в реальности, особенно те, о которых мы не всегда готовы говорить прямо. Отправляясь в гибельную неизвестность, моряки рассказывали о «Летучем голландце» и морском дьяволе, а американские пилигримы — о пропавших без вести поселениях и монстрах дикого, неизведанного Запада. Окруженные чумой и войной, средневековые крестьяне выдумывали призраков и оживших мертвецов, приукрашивая их облик деталями из не всегда понятных церковных проповедей. Дети советских городов как умели объясняли пропажи людей красными занавесками и гробами на колесиках, а в американских пригородах обростала легендами *stranger danger* — паника, связанная со вспышкой преступности там, где еще недавно царила идиллия американской мечты.

Это интересно

Stranger danger (англ. «опасность от незнакомца») — эпидемия страха перед незнакомцами, которая захлестнула Соединенные Штаты Америки в конце 70-х — начале 80-х годов. В 1979–1980 годах несколько случаев с пропавшими детьми получили широкую огласку, и потрясение общества переросло в серьезное, а порой и преувеличенное беспокойство о том, что ребенка в любой момент могут похитить или убить даже в идиллическом американском пригороде.

Хорошо знакомый нам из фильмов отпечаток этого феномена – фотографии и описания пропавших детей, напечатанные на пакетах молока. С развитием интернета страх перед *stranger danger* только обострился, распространившись и на анонимных незнакомцев в Сети. Он изображен, к примеру, в известном романе «Оно» Стивена Кинга, который был впервые издан в 1986 году.

Так же складываются жуткие истории и в наше время. От блокбастеров о восстании машин до городских страшилок о двойниках, подменяющих людей в Интернете, – цифровая эпоха наложила свой отпечаток на представления об ужасе. Но ужасики продолжают рассказывать как в реальности, так и в Сети – и в новой среде обитания они остаются такими же разнообразными и захватывающими.

Страшные сказки и легенды довольно долго оставались теневой стороной культуры. В разное время они считались чем-то запретным, изменным, ненужным и даже вредным для души или психики. Однако они продолжают рождаться, складываться и передаваться из уст в уста – и раскрывать множество тайн, которые кроются в нас самих.

Г Л А В А

1

**СТРАШНЫЕ
СКАЗКИ
НАРОДОВ МИРА**

Пожалуй, в мире найдется не много людей, которым в детстве не рассказывали народные сказки. С самого раннего возраста в нашей памяти остается их певучий слог, назубок заученные устойчивые фразы, повторяющиеся из рассказа в рассказ, и искреннее детское волнение за героев даже той сказки, которую давно знаешь наизусть. Наши современники обычно запоминают сказки, услышанные в детстве, как светлые и волшебные, полные приключений и чудес, и непременно с хорошим концом. Добро побеждает, влюбленные встречаются, и все возвращается по домам, чтобы жить-поживать да добра наживать.

Однако настоящие народные сказки — такие, какими они были испокон веков, совершенно не похожи на те, что сейчас издают в детских книжках с яркими картинками. Времена, в которые они создавались, были совсем другими: жестокими, тяжелыми и полными опасностей, давно забытых в наши дни. Нельзя сказать, чтобы более жестокими были сами люди, но суровая реальность диктовала им свои законы, которые порой шли вразрез с современной для нас моралью: доверять чужакам запрещается, побеждает не добрый, а сильный или хитроумный, а нарушение законов почти всегда карается смертью или по крайней мере большим горем.

Во времена, когда сказки только рождались, мир был загадочен и страшен сам по себе. Древнему человеку неоткуда было знать о том, что такое молния, откуда берется лесной пожар и как устроены пока неизученные болезни. И люди заполняли пустоты в своих знаниях — для собственного спокойствия и в надежде

обрести хоть какой-то контроль над жизнью. Так человек окружал себя богами, духами и магией; и все это находило себе место в сказках — ведь нужно было как-то делиться этим знанием друг с другом. Еще больше таких духов рождалось в страшилках для детей: придумать жуткого призрака, который выходит охотиться только в жаркий полдень, было намного проще, чем объяснить ребенку, что такое тепловой удар. У китайского мифа о драконе, проглатывающем солнце во время затмения, и русского поверья о лешем, которого надо задобрить, чтобы не заплутать в лесу, есть эта общая черта: они расшифровывают загадки окружающего мира и задают правила поведения в нем. При этом такие правила диктовали отнюдь не мораль и гуманизм.

Именно поэтому сказки, сохранившиеся в первоизданном виде, бывают страшными — и даже очень страшными. У тех народов, которые цивилизация не увела так далеко от своих корней (например, у африканских племен и коренных народов Америки), эти исконные сюжеты сохранились очень хорошо. И хотя посторонним такой фольклор доверяют довольно редко, изучить его — значит заглянуть в далекое прошлое, и очень часто это прошлое рисуется в весьма мрачных красках.

Многие народные сказки на первый взгляд кажутся особенно загадочными или даже бессмысленными, но их нельзя воспринимать буквально. Иногда сказка — это миф, иносказание о природе вещей или о событиях давней старины. Герои умирают страшной смертью не потому, что рассказчик хотел обойтись с ними жестоко, а потому, что проходят метафорическое перерождение, нужное для перехода в новую стадию жизни; со злыми и опасными чудовищами нужно договариваться,